ИЯМ 39

ИЗВЕСТИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

VI СЕРИЯ

ТОМ XX. 1926

15 Сентября № 12

BULLETIN
DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE L'URSS

VI SÉRIE

TOME XX. 1926

15 Septembre № 12

ЛЕНИНГРАД — LENINGRAD

Известия Академии Наук СССР. 1926.

(Bulletin de l'Académie des Sciences de l'URSS).

О „пайза"—„байса" в Джучиевом улусе.

(К вопросу о басме хана Ахмата).

А. Н. Самойловича.

(Представлено академиком **И. Ю. Крачковским** в заседании Отделения Исторических Наук и Филологии 24 апреля 1926 года).

> В интересах русской культуры и в интересах мировой науки одинаково следует желать, чтобы научные вопросы, непосредственно связанные с историей России и входящих в нее стран, вновь нашли себе большее число исследователей среди молодых русских ориенталистов.
>
> *Бартольд.*

Введение. Несколько слов об изучении ярлыков.

Изучение многочисленных татарских ярлыков, начиная с тех, которые были выданы золотоордынскими ханами русским митрополитам и дошли до нас только в старинных переводах, поныне находится еще в таком незаконченном состоянии, что пользоваться ими не-востоковедам, как историческим источником, по существующим изданиям и при имеющейся пока о них востоковедческой литературе довольно затруднительно, как и показала одна из позднейших крупных работ по этому вопросу: «Ханские ярлыки русским митрополитам» М. Д. Приселкова.[1]

В своей заметке «Несколько пояснений касательно ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству» покойный Н. И. Веселов-

[1] «Записки Ист.-Фил. Факультета Петроградского Университета», ч. CXXXIII, 1916 г. Рецензия Н. И. Веселовского в «Журн. Мин Нар. Пр.» за 1917 г., № 3, отд. 2, стр. 118.

ский сказал:[1] «Пересмотр от времени до времени прежних исследований может, с одной стороны, способствовать дальнейшему уяснению предмета, с другой — свидетельствовать о том, насколько развивается у нас эта наука и к каким результатам она приводит». По ходу своих научных работ я должен был летом 1917 г. пересмотреть главнейшую литературу по ярлыкам и другим подобным им документам и убедился в том, что совершенно необходимо приступить к приведению этого ценнейшего в разных отношениях материала, который начали издавать более ста лет тому назад,[2] в удовлетворительное с современной научной точки зрения состояние, так как частичные исправления, которые мы находим, например, еще в другой работе Н. И. Веселовского «Погрешности и ошибки при издании документов по сношению русских государей с азиатскими владельцами»,[3] конечно, далеко недостаточны. Как от исследователя ярлыков при теперешнем состоянии их изучения требуется знание языка подлинников, так и удовлетворительное издание одних только их переводов на русский язык должно производиться при деятельном участии сведущих ориенталистов, а иначе неизбежны недоразумения значительно более серьезные, чем, например, то, которое мы находим в изданных Ф. Ф. Лашковым «Памятниках дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI—XVII вв.»; при последнем слове фразы «и пророка нашего Магмет Мустафы» издатель сделал курьезную сноску: «Очевидно лишняя прибавка переводчика», не подозревая, что Мустафа есть один из эпитетов Мухаммеда.[4]

Объемистый, в 898 страниц in quarto (не считая предисловия и указателей) том «Материалов для истории Крымского ханства», изданный в 1864 году В. В. Вельяминовым-Зерновым по копиям, снятым Хусейном Фейзхановым, поныне таит в себе не мало важных сведений как по турецкому языку, так и культурно-исторических. В языковом отношении «Материалы» использованы в самой незначительной доле при составлении

---

[1] «Сборник в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина» (Зап. Русск. Геогр. Общ. по Отд. Этнографии, т. XXXIV), стр. 525. Мою поправку к этой заметке см. в моей статье «И. Н. Березин, как турколог» (Записки Коллегии Востоковедов, т. I), стр. 171.

[2] Если считать с Новиковского издания переводных ярлыков русскому духовенству в «Древней Российской Вивлиофике» за 1787 г.

[3] Журнал «Живая Старина», XVII (1909 г.), вып. II—III, стр. 237.

[4] «Известия Таврич. Учен. Архивн. Комиссии», № 12, стр. 3. Ср. в «Материалах» Вельяминова-Зернова, стр. 576: پیغمبریمز محمد مصطفی.

чагатайского словаря Паве-де-Куртейля[1] и обще-турецкого словаря Будагова.[2]

В историческом отношении «Материалы» сослужили службу прежде всего их издателю,[3] а затем проф. В. Д. Смирнову[4] и др. В своем рассуждении «Крымские шертные грамоты», которое страдает обычным для широкой русской публики беспочвенно-презрительным отношением к Востоку (пример дается нами в сноске), М. Н. Бережков[5] высказал пожелание, чтобы татарские и старо-русские тексты грамот были сравнены между собой и чтобы татарские оригиналы были заново переведены, но эта работа, насколько мне известно, до сих пор никем не исполнена. Недостаточный отклик встретило пока и другое пожелание того же ученого, высказанное им в статье «Древнейшая книга крымских посольских дел»: «чтобы ученые ориенталисты помогли нам в изучении . . . переводных татарских документов», вписанных в эту книгу.[6]

Н. И. Веселовский закончил свою заметку о термине «тийиш» указанием на то, что «только документы по сношению с Востоком дают ключ к уразумению» этого термина.[7] Это указание необходимо уточнить; при разрешении подобных вопросов из области русско-татарских отношений

---

[1] «Dictionnaire turc-oriental par M. Pavet-de-Courteille». Paris. 1870, p. XIII.

[2] «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий», т. I—II (СПб. 1869). В сокращенных названиях источников (т. I, стр. IX) «Материалы» не названы, но они цитируются, например, на стр. 420, т. I со ссылкой: *кр. гр.*

[3] «Исследование о Касимовских царях и царевичах» Труды Вост. Отд. Русск. Архивн. Общ., IX—XI).

[4] «Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века». СПб. 1887. Его же экскурс о терминах «чери-баши» и «чорбаджи» в работе Н. И. Веселовского «Военно-исторический очерк города Анапы» (Пгр. 1914), стр. 18—20. Газиз Убайдуллин и Гали Рахими также пользовались «Материалами» в своей «Истории татарской литературы» (на каз.-татарск. языке).

[5] «Чтения в Истор. Общ. Нестора Летописца», кн. VIII (1894 г.), стр. 37. Автор называет крымцев варварами (стр. 40, 51). В задачи нашей политики в отношении Крыма «этого гнезда разбойников» (стр. 56) входило, заявляет автор, «подкупить жадных варваров . . . , учить варваров первым понятиям о правде и справедливости, о приличии и вежливости» (стр. 41, sic!). Ср. отповедь высокомерным европейцам казака Чокан Валиханова (Зап. Русск. Геогр. Общ. по Отд. Этнографии, т. XXIX, 1904 г., стр. 192).

[6] «Известия Таврич. Учен. Архивн. Комиссии», № 21 (1894 г.), стр. 55. В этой статье Крым называется более снисходительно «обширным восточным базаром» (стр. 37), и автор готов признать за ханом Менгли-Гиреем «образованность в известной мере: он умел читать и писать» (стр. 51).

[7] «О турецко-татарском слове 'тыш' (зуб) в дипломатических документах». ЖМНПр., т. 61 за 1915 г., стр. 331. Моя заметка о том же слове в «Извест. Росс. Акад. Наук» за 1917 г., стр. 1277.

требуется, собственно, два ключа: один — русские документы, другой — татарские, на татарском языке. Обе группы источников друг друга разъясняют и дополняют. При издании и переводе «Ярлыков крымских ханов Менгли-Гирея и Мухаммед-Гирея» Березин заявил,[1] что «Материалы» Вельяминова-Зернова «не доставили в настоящем случае пособия, так как они содержат в себе акты совсем другого характера», однако, именно путем сравнительного изучения этих «Материалов» и старо-русских посольских документов Березин добыл бы данные для правильного понимания двойного термина قولش قولتغا — «запросы», который он истолковал ошибочно.[2]

Приступив, как упоминалось выше, в 1917 году к чтению ярлыков и других документов, заключающихся в «Материалах» Вельяминова-Зернова, с лингвистическими целями в связи с подготовлявшимся мною тогда исследованием произведений Бабура (осталось незаконченным), я невольно уклонился в сторону, когда нашел данные для пересмотра вопросов о «тийишь» и «байса», и решил включить их в задуманную мною книгу «Турецкие этюды» (тоже осталась незаконченной); занявшись же этими двумя вопросами, я вынужден был далее углубиться в литературу об ярлыках вообще и таким образом набрал, между прочим, материал для нескольких поправок к тарханному ярлыку Тимур-Кутлуга.[3]

---

[1] «Записки Одесск. Общ. Истории и Древностей», VIII, прибавление, стр. 11.

[2] Этимология слова «колтка», разъясненного мною в «Известиях Российской Академии Наук» за 1917 г., стр. 1278, дана ранее венгерским востоковедом Мункачи в журнале «Revue Orientale» (1909, № 3, стр. 196) при переводе одного караимского текста, в котором это слово значит «просьба» (см. еще ярлык Саадет-Гирея, строка 8). Слово «колтка» было в языке половцев-кыпчаков, и мы находим его в египетско-кыпчацкой поэме XIII в. «Хосрой и Ширин» (ркп. Парижск. Нац. Библ.), глава 39, стих 23:

بیکیم‌دین قولتغام اوشبو تیبو قوبتی.

Вышеупомянутый двойной термин оказался непонятным автору статьи об ярлыке хана Сахиб-Гирея в № 1—2 «Вестника Научного Общества Татароведения», Казань, 1925 г., стр. 33.

[3] «Известия Российской Академии Наук», 1918 г., стр. 1109. В этой статье указана литература об ярлыках, которой я пользуюсь и в настоящей статье о «байса», не повторяя приведенных в первой статье литературных ссылок. Некоторые ярлыки перепечатывались по старым изданиям и переводам: Марджани в مستفاد الاخبار (1, 112), Акчуриным в журнале شورا за 1912, № 3, авторами «Истории татарской литературы» (по-татарски), т. I, вып. 2, без указания года, стр. 60, и другими. К. А. Иностранцев поместил в «Известиях Академии Наук» за 1917 г. (стр. 49) заметку о местности, где был написан ярлык Тимур-Кутлуга. Пользуюсь случаем, чтобы дать объяснение непонятому мною ранее слову «всеми» во фразе: «а вы русские князья Семеном почен всеми» (стр. 1112); следует читать «все», а слог «ми» надо относить к началу следующего слова «митрополит».

I. О терминах «тамɣа», «belгÿ», «нішан», «туɣра», «мÿhÿр».

Выяснение судьбы китайского термина «пайзе» в пределах Джучиева улуса требует предварительного рассмотрения судеб ряда других терминов, имеющих отношение к официальным документам, в разных турецких странах и государствах.

Старейшие памятники турецких языков сохранили для нас слово «тамɣа» в двух значениях: 1) знак собственности на скоте, тавро, 2) государственная или частная печать и оттиски этих печатей. Так, на одной из енисейских надписей, принадлежащих древне-турецкому народу кыргызам, именно на Ачинской упоминается «тамɣалыɣ jылкы» — «клейменый табун лошадей, табун с таврами», а в орхонских надписях встречаем «тамɣачы» — «хранителя печати» западных огузов. Эта же должность упоминается и в книге «Кутадɣу-біліг» (стр. 116 Гератского списка, стих 15), в которой встречается также и слово «тамɣа» в назначении «печати» среди предметов, которые вручаются везиру при его назначении на должность (45, стих 23), равно как применительно к пророку Мухаммеду, вместо арабского слова ختم — «печать пророков», т. е. «последний пророк».

Монограммообразные знаки в верхней части камней с турецкими рунническими надписями, именуемые обычно в трудах европейских ученых «тамгами», в действительности так не назывались, а их именовали словом «belгÿ» — «знак, герб, шифр». Так, это слово видим на изданной проф. Рамстедтом[1] надписи в Шине-усу, во фразе: «мой герб и мою надпись я там приказал выделать». Фигурное изображение (монограмма-шифр) уйгурскими буквами имени знатока уйгурской письменности Абду-р-Реззака, сделанное в XV веке в Константинополе после приписки на Гератской копии «Кутадɣу-біліга», тоже названо в помещенной под этой монограммой надписи: بخشی بلکوسی «бахшы belгÿсі» — «знак, шифр бахшы». Слово «belгÿ», известное в различных фонетических вариантах многим из современных турецких наречий, употребляется и ныне таранчинцами в значении «герба» (Словарь Радлова, т. IV, стр. 1613).[2] Слово «тамɣа» в значении «знака собственности, тавра» употребляется различными турецкими

---

[1] G. I. Ramstedt. «Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei» (Journ. de la Soc. Finno-ougrienne, XXX, 1913), p. 23.

[2] В переводах религиозных книг луцких и троцких караимов встречается глагол «bälгірт» (от имени bälгі) в значении, по переводу Радлова, «подписывать документы» (Словарь Радлова, III, при слове 2кадаɣа).

народами в различных фонетических разновидностях поныне,[1] но в старых памятниках турецких языков и турецкой письменности с доступных нашему изучению времен слово «тамǧа» не обозначало знаков, изображаемых от руки и заменяющих личную подпись или оттиск печати. Так, на частно-деловых документах уйгурской скорописи из Восточного Туркестана оттиск печати именуется «тамǧа», а заменяющий печать знак от руки в виде тавра всегда именуется персидским словом «нішан», т. е. синонимом «belgü». Автор XI века Махмуд Кашгарский поясняет слово «тамǧа», (I, 355) только как طابع الملك وغيره «печать,— штамп царя и прочих лиц»,[2] а слово «belgü» как الامارة والعلامة — «указание, признак, знак». В изданном Хоутсма арабском словарике языка египетских кыпчаков и туркменов XIII века и в «Codex Cumanicus» начала XIV века слова «тамǧа» нет, а слово «нішан» имеется и объясняется в первом арабским словом العلامة, во втором же латинском signum; в обоих словарях кроме того дан глагол «нішанlägil», по-арабски علّم — «пометь». Обработанный П. М. Мелиоранским словарь «Араба-Филолога» Ибн-Муханны (относится к XIII—XIV векам) дает: «jarlyk» в значении «ферман»; «tuǧra» в значении «шифр» (التوقيع); «тамǧа» в значении «пометка» (العلامة) и «mühr» в значении «печать» (51, строка 3), т. е. указывает вместе со старыми и ряд новых терминов, о которых речь еще впереди.[3]

Значениями 1) тавро, клеймо, 2) печать, оттиск печати не исчерпываются все значения слова «тамǧа». Так, в Чагатайском и Джучиевом улусах, а также во владениях Гулагидов слово «тамǧа» означало еще, как известно, «таможенный сбор» на пограничных и внутренних таможнях (откуда и русское «таможня»), называвшийся так очевидно потому, что при взимании этого сбора на товаре ставилось клеймо.[4] Отчасти, может

---

[1] Новейшей работой по этому вопросу является брошюра Акчокраклы «Крымско-татарские тамги» (по-турецки), Бахчисарай, 1926 (с многочисленными образцами). Абдуррахман Сади дает образцы тамг на татарско-башкирских приговорах в своей книге «Язык, литература, письмо и их историческое развитие в мире человечества» (по-татарски), Казань, 1926 г., стр. 201.

[2] Отмечу кстати, что Махмуд Кашгарский дает еще слово تُمَسَن (I, 337) «печать, которая еще не утверждена» المحبر الذى لم يُرض بَعدُ.

[3] Константинопольское издание «Араба-Филолога» Келисли-муаллим-Рифата (стр. 149) слова «mühür» не содержит и толкует слово «тамǧа» двумя словами الختم والعلامه «печать и знак».

[4] Это значение дается словарями Паве-де-Куртейля, Будагова и Радлова, а в словарях Шейха Сулеймана Бухарского и Сами-бея (Камус-и-тюрки) это значение не приведено. В словаре Радлова (III, 1003—4) следует объединить значения под № 1 и 3,

быть, во избежание неясности при пользовании одним термином с разными значениями, приблизительно с XIV века начинают местами постепенно заменять слово «тамҕа» в значении «печать» персидским, как и «нішан», словом مهر «мӱhр» которое мы находим и у «Араба-Филолога» по изданию Мелиоранского и в «Codex Cumanicus» и в ярлыке XV века Омар шейха, отца Бабура. В связи с этим за словом «тамҕачы» закрепляется значение «сборщика таможенной пошлины», а «хранителя печати» начинают именовать مهردار «мӱhӱрдар». И поныне у мусульманско-турецких народов «печать» называется مهر, а у турков-немусульман обычно русским словом «печать» (якуты, качинцы, телеуты, чуваши), реже старым словом «тамҕа».

Ф. В. К. Мюллер дал в 1920 г. терминам «тамҕа» и «нішан» уйгурских документов то же толкование,[1] что и я, и сопоставил их с соответствующими терминами китайского делового языка, который по справедливому мнению этого ученого влиял на деловой язык уйгуров. Соответствие третьему китайскому термину, обозначающему «оттиск руки», которого мы не находим ни в уйгурских, ни в золотоордынских и иных документах, проф. Ф. В. К. Мюллер склонен видеть в османском термине «туҕра», который возводится к оттиску руки султана Мурада I (стр. 324). Если своеобразная форма «туҕры» османских султанов и восходила бы, что еще точно не доказано, к оттиску руки, то в нашем распоряжении не имеется никаких данных для утверждения, что термин «туҕра», неизвестный уйгурам, вообще означал первоначально оттиск руки. Термин этот существовал задолго до образования Османского государства. Так, в государстве сельджукидов в начале XII века жил поэт, ученый и государственный деятель Абу-Исмаил аль-Испагани ат-Туграйи. По сообщению эль-Омари (умер в 1348—49) письма египетских мамлюков снабжались писаной золотом «туҕрой» (Материалы Тизенгаузена, стр. 340); «Араб-Филолог» Джемаль-еддин Ибн-Муханна приводит термин «туҕра» со значением «шифр». Сами-бей в своем «قاموس تركى» толкует термин طغرايى через نشانجى (стр. 885) и одно из значений نشان через طغرا (стр. 1459, значение № 10).[2] Древнейшее мне известное сообщение о термине «туҕра» отно-

уменьшив на единицу №№ 4—6, т. е. исправив их на №№ 3—5. В «Бабур-намэ» слово «тамҕа» отмечено мною по изданию А. Беверидж на листах 140а, строка 1 снизу; 159а, строка 1 снизу; 174а, строка 1 сверху, два раза в значении «таможенного сбора» и один — в значении «печати, клейма».

[1] «Uigurische Glossen». Festschrift für Fr. Hirth. Berlin. 1920, p. 323.

[2] В «Бабур-намэ» термин «туҕра» мне встретился на листе 266 издания Беверидж во фразе فرامينى نينك طغراسيدا سلطان محمود غازى بيتلار ايدى «в тугре его ферма-

сится к XI в., принадлежит Махмуду Кашгарскому (I, 385) и является чрезвычайно важным не только по своей хронологической дате, но и по содержанию: تغْراغْ — طابع الملك و توقيعه . بالغُزية . ولا تعرفه التُرك . ولا ادرى اصله — «туғрағ: штамп царя и его шифр, по-гуззски; и не знают его турки (караханидские); и не знаю я его происхождения».[1] Мне таким образом представляется, что у турецких народов в разные эпохи и при различных династиях «герб, шифр, монограмма» обозначались тремя синонимами: 1) «belgÿ», 2) «туғра» (<туғрағ), 3) «нішан».

«Булла» является одним из примеров перенесения названия со «знака на документе» на «самый документ». Другим примером служит слово «нішан», которое употреблялось не только в значении «шифра», но и как синоним слов «ярлык, ферман». Ярлык XV века Омар-шейха назван в тексте этого документа не ярлыком, а нишаном, как назван и открытый Сейид Вахидовым казанский ярлык Сахиб-Гирея. «Нишан» неоднократно встречается в значении «ярлыка, фермана, грамоты» в «Шейбани-намэ» Мухаммеда Салиха (издание Мелиоранского, стр. 118, стихи 50—51; стр. 129, стих 1; стр. 158, стихи 21 и 24; стр. 179, стихи 13—15, в которых упоминаются «ярлык, ферман, нишан» в одном и том же значении) и в «Бабур-намэ» (издание Бевериджа, 110b, строка 4 снизу; 122a, строка 1 сверху). В тексте грамоты султана Османа II семейству иудейки Киры, изданной В. Д. Смирновым, встречается выражение بو نشان همايونمى ويردم в котором слово «нишан» употреблено как синоним слова «ферман» (ср. строка 18 и 17). По Григорьеву и d'Ohsson (IV, 371) в Золотой Орде ярлык иногда назывался «ал тамға».

В своем руководстве для составления документов на чагатайском языке Мир Али-Шир Неваи[2] (XV в.) употребляет слово «нішан» в значении «ярлык» (стр. 25, 27, 32, 33, 67 и далее), слово «мÿhÿр» в значении «печать» (стр. 37, 58, 67), слово «туғра» в значении «шифр» (стр. 53, 54, 67) и слово «тамға» в значении «таможенный сбор» (стр. 60), отмечая таким образом в отношении указанных терминов практику тимуридских канцелярий XV века.

нов писали Султан Махмуд Газы». То же слово встречается на стр. 26 издания Катремера محاكمة اللغتين Неваи.

[1] Ниже тот же автор приводит слово «туғрағ» с другим значением (I, 385): «всякий конь, которого царь дарует своему войску в день торжественного выезда или войны и отбирает от него в день остановки».

[2] منشأت, издано в Баку в 1926 г.

II. О терминах тамɣа, нішан, мӯhӯр, бајса в документах Джучиева улуса.

В отличие от монгольских ярлыков, от китайских документов монгольской эпохи, обнародованных Шаванном, и от старейшего из известных нам золотоордынских ярлыков, именно ярлыка XIII в. Менгу-Тимура, который сохранился только в русском переводе, — золотоордынские ярлыки с XIV в. упоминают в заключительной своей части, содержащей в себе указание на время и место выдачи ярлыка, термины «тамɣа» и «нішан» с определениями «алая» при первом и «золотой» при втором. Ярлык Тимур-Кутлуга, как дефектная копия, лишенная печатей и иных знаков, не раскрывает нам значения помянутых двух терминов для данной эпохи и данной местности, как не раскрывают их и русские переводы старых ярлыков. «Алая тамга» и «золотой нишан» упоминаются далее на ярлыках крымских ханов XV и половины XVI веков, и так как некоторые из этих последних ярлыков дошли до нас в подлинниках, с печатями и прочими знаками, то мы из них и по ним узнаем с достаточной определенностью значение интересующих нас терминов опять-таки в известных пределах времени и места. «Алая тамга», это — оттиск алой краской квадратной печати. «Золотой нишан», это — изображение от руки золотом религиозной формулы и имени хана в начале ярлыка, а также, может быть, и начертание золотом слов, относящихся к особе хана внутри текста.

В более ранних золотоордынских ярлыках, выданных татарскими ханами русским митрополитам и дошедших до нас только в русском переводе, именно в ярлыках Берди-бека и Тулун-бека заключительная часть упоминает только «алую тамгу», т. е. квадратную печать. Заключительная часть трех ярлыков Тайдулы, которую считают женой Джанибека, хотя она, по-моему, была его матерью, упоминает лишь, по русскому переводу, «нишан» и без определения «золотой», т. е., повидимому, личный шифр; государственной квадратной печати на этих, надо думать, полуофициальных документах не было.

Ярлык Мухаммед-Гирея I Кутлу-бию от 1517 г. и ярлык Сеадет-Гирея I от 1525 г. свидетельствуют о том, что в Крыму и в начале XVI в. «алая тамга» означала красный оттиск государственной печати, а «золотой нишан» — писаную от руки золотом «тугру», или ханский шифр.

Позднейшие крымские ярлыки XVI и XVII веков обнаруживают ряд изменений в обозначении квадратной печати, свидетельствуют о появлении

при ярлыках нового вида печати — вислой, очевидно, под стамбульским, русским и польским влияниями и показывают, что в соответствующей терминологии происходили колебания, отчасти, может быть, в связи с наступившим упадком культуры. Источником для этой эпохи служили мне «Материалы» Вельяминова-Зернова и издания старо-русских переводов крымских ярлыков, причем выяснилось, что переводы эти не вполне отражают интересующую нас терминологию, почему и оказалось, что при игнорировании исследователями вопроса о «басме» обширных документальных данных собрания Вельяминова-Зернова одно из значений слова «пайза» осталось им неизвестным.

Квадратная печать, которую мы видим на ярлыках Тохтамыша и последующих ханов Джучиева улуса, существенно отличается своей словесной формулой от квадратной монгольской печати в ее первоначальном виде, сохраняя, однако, внешнее сходство с последней. Намечается сближение между «печатью» и «шифром». На одном из ярлыков Тохтамыша имеются и «алая тамга» и «золотой нишан», а на другом, адресованном королю Ягайлу, мы видим *золотой* оттиск *квадратной* печати, причем в заключительной части ярлыка упоминается только «золотой нишан» (без «алой тамги»). И в конце ярлыка крымского хана начала XVI в. Мухаммед-Гирея I королю Сигизмунду от 926 г. говорится: آلتون نشان بسوب‌يباردیك «оттиснув золотой нишан (т. е. золотую печать), мы отправили».

Большинство крымских ярлыков, изданных Вельяминовым-Зерновым при участии муллы Х. Фейзханова, относятся к XVII веку. Эти материалы содержат данные для следующих заключений об интересующей нас терминологии в эту эпоху:

1. Слова مهر (мӱһӱр) и نشان (нішан) означают оттиск *всякой* печати, причем перстневая печать или жуковина называется يوزك نشان (jӱзӱк нішан).

2. Слово مهر (мӱһӱр) с определением «золотой» обозначает оттиск золотом *личной, не квадратной* печати. Так, в шертной грамоте Джанибек-Гирея II Михаилу Федоровичу читаем: «я хан к сей шертной грамоте нашу золотую печать (آلتون مهرمز) приложил», и в начале этой грамоты по изданию Вельяминова-Зернова мы видим оттиск *миндалевидной печати* со словами جان‌بك كراى خان (Джанибек-Гирей хан) без всяких формул, присущих квадратной печати.

3. Слово «тамға» в значении квадратной печати уже не употребляется, но квадратная печать продолжает существовать под другими названиями: или «алтун нішан» (золотой нишан), или التون بايصالو مهر (алтун бајсалу

мӱһӱр) «печать с золотой *пайзой*», как явствует из ярлыков Мухаммед-Гирея III и Бехадур-Гирея Михаилу Федоровичу.

4. Новый термин آلتون بايصا (алтун бајса) «золотая пайза», употребляемый самостоятельно без соединения со словом مهر (мӱһӱр) — «печать», обозначает *вислую печать*, которая в документах Московского Посольского Приказа описывалась так: «*И у той грамоты привешена печать золотая на серебреном снурке; в печати на одной стороне вырезано словами татарскими, а по переводу «Несть Господа томко Бог, Магометъ послан от Бога». На другой стороне той же печати «Адиль-Гиреево царево величество Девлет-Гиреев царевичев сын»*. Сравнивая текст вислых печатей с текстом квадратных печатей со времен Тохтамыша, мы убеждаемся в их тождестве; иными словами: произошло сближение между квадратной печатью (тамға) и шифром (нішан), а затем квадратная печать превратилась в вислую печать (бајса). Вышеприведенное выражение «алтун бајсалу мӱһӱр» дает основание полагать, что под «бајса» (пайза) в Крыму XVII века понимали собственно не «печать», а «формулу на государственной печати» и уже затем «вислую печать с воспроизведением на ней формулы государственной печати». В этом новом значении «бајса» встречается на крымских ярлыках по «Материалам» Вельяминова-Зернова от времен Мухаммед-Гирея III (1622—27) до времен вторичного царствования Селима I (1684—91). В наших музеях мне не удалось найти образцов крымских вислых печатей — «золотых байс».[1]

III. Различные значения слова «пайза» в зависимости от места и времени.

Наш обзор судеб ряда терминов в языке официальных документов на разных турецких языках в разных странах на протяжении более чем тысячелетия показывает, что, с одной стороны, менялись названия одних и и тех же предметов (печати, шифра), а с другой, одни и те же названия переходили с одних предметов на другие (нишан: шифр, ярлык, печать). В XVII в. в Крымской части улуса Джучиева китайское слово «пай-дзы» в начертании (и следовательно в произношении) «бајса» имело значение совершенно отличное от того, с каким это слово нам известно из европейской литературы по этому вопросу и какое оно до сих пор

[1] При поисках я пользовался содействием ныне покойного академика Я. И. Смирнова, который живо интересовался ходом моей работы.

имеет, судя по статье Жамцарано,[1] в некоторых частях современной Монголии, именно: верительная дощечка с надписью, предоставляющая от имени (от лица) правителя те или иные права и привилегии. Дошедшие до нас в качестве археологических находок металлические верительные дощечки золотоордынских ханов[2] свидетельствуют о том, что «пай-дзы» китайско-монгольского образца существовали в XIII и XIV вв. и в Джучиевом улусе. В турецких подлинниках золотоордынских ярлыков XIV в. Тохтамыша и Тимур-Кутлуга этот предмет назывался «пайзе» или «байзе» (پایزه ، بایزه) и упоминался рядом с «ярлыком»: بایزه یرلیغ‌لیغ ترخان‌لیق «тарханство (подтвержденное) пайзой и ярлыком». В старо-русских и латинских переводах ханских ярлыков XIV в. тот же предмет назывался «bajса». Так, в тарханном ярлыке Берди-бека митрополиту Алексею читаем: «Тако рекши байсу да ярлык с алою тамгою дали есмы на утверждение вам», и венецианцы получили от Джани-бека «baissinum de auro». В ярлыке Узбека Андрею Зено упоминается «baisa et privilegium cum bullis rubris». Начертание крымско-татарских ярлыков XVII в. «bajса» передавало, можно думать, народное татарское произношение, существовавшее уже в XIV в., китайского слова «пай-дзы», которое в старом литературном языке Джучиева улуса изображалось более близким к китайскому оригиналу начертанием پایزه ، بایزه.

Как явствует из представленного нами обзора, слово «bajса», обозначавшее первоначально в Золотой Орде «верительную дощечку», которая существовала отдельно и от «ярлыка», и от «квадратной печати» (тамға) и от «шифра» (нішан), стало обозначать в Крыму к XVII в., когда термин «тамға» в значении «печати» вышел там из употребления и когда «квадратную печать» там именовали уже «золотым нишаном» или «мӱһӱр с золотой байсой», словесную формулу на квадратной печати, а также золотую вислую государственную печать («алтун bajса»).

IV. «Bajса» и «басма».

Нам остается остановиться на достойном внимания совпадении. Предметы, с которыми находилось в соприкосновении в пределах Золотой Орды

---

[1] «Записки Вост. Отд. Русск. Археол. Общества», т. XXII, вып. I—II, стр. 155.

[2] А. А. Спицын «Татарские байсы» (с 12 рис.). Изв. Археол. Комиссии, вып. 29, 1909 г., стр. 130—141 (описано и воспроизведено 5 пайдз, из них 3 золотоордынских: ханов Тохта, Узбека и Абдуллы).

и Крымского ханства в *разные времена* слово «bajca», а именно: 1) верительная дощечка, 2) квадратная печать, 3) вислая печать-булла, и 4) может быть, самый ярлык, привлекаются различными исследователями при их попытках объяснить, чем могла или должна была быть загадочная «басма» хана Ахмата, оплеванная якобы и потоптанная в XV в. Иваном III по единственному известию Казанского Летописца.[1] К. А. Иностранцев и А. А. Спицын считают басму верительной дощечкой-пайзой. Н. П. Лихачев предлагает видеть в басме квадратную печать-нишан. По гипотезе П. М. Мелиоранского басма была вислой печатью-буллой, по Ломоносову (Краткий Российский Летописец) — «повелительная грамота с изображением царевым на печати». В свете вышеприведенных нами реальных данных, если не считаться с условиями времени и места, все четыре гипотезы о «басме» оказываются правдоподобными в большей или меньшей степени. Никто из названных исследователей не знал про «золотую байсу» крымско-татарских документов XVII в., и только К. А. Иностранцев и А. А. Спицын отождествляли слова «басма» и «bajca». Осмыслению непонятного для туркоязычных татар слова «bajca» в понятное «басма», если только такое осмысление действительно имело место, могло бы способствовать слово «баскак»,[2] образованое, как и «басма» — «тиснение», от глагола «бас» — «дави» турецкое соответствие монгольского «даруга», название высокой должности, связанной с получением «bajcы». Если бы П. М. Мелиоранский знал про «золотую bajcу» — «вислую печать», ему пришлось бы для защиты своей гипотезы дополнительно доказать, что в государственной канцелярии хана Ахмата в XV в. употреблялись, как в Крыму в XVII в., вислые печати с наименованием «bajca» или «басма». Наименее правдоподобным и при новых данных о «печати с золотой bajcой», т. е. о квадрат-

[1] П. М. Мелиоранский «Что такое басма золотоордынских послов хана Ахмата?» (Зап. Вост. Отд. Русск. Археол. Общ., т. XVII, 1907 г., стр. 0129. Разбираются мнения о басме арх. Леонида, Нарбута, Уварова, Даля, Карамзина, Иловайского, Корша, Ломоносова); К. Иностранцев «К вопросу о басме» (там же, т. XVIII, 1908 г., стр. 0172. Упоминаются мнения о басме Григорьева, Спицына); А. А. Спицын «Татарские байсы» (1909 г.); Н. П. Лихачев «Басма золотоордынских ханов» (с 1 табл. и 5 рис. в тексте). Сборник статей в честь гр. Пр. С. Уваровой, Москва, 1916 г., стр. 70—86 (с обзором мнений арх. Леонида, Кавелина, Иловайского, Нарбута, Карамзина, Корша, Уварова, Мелиоранского, Иностранцева, Кобеко, Спицына, Ломоносова). Содержание и судьба реферата В. К. Трутовского «Басма Казанского Летописца», читанного 15 мая 1915 г. в Моск. Археол. Обществе, мне неизвестны.

[2] В дополнение к данным словаря Радлова (IV, 1533) укажу, что слово это без цитат приведено в словарях Паве-де-Куртейля и Сулеймана Бухарского и что оно встречается в египетско-кыпчацкой поэме XIII в «Хосрой и Ширин» (بسقاق).

ной печати представляется мне, при учете условий времени и места, приближающееся к толкованию Ломоносова объяснение академика Н. П. Лихачева, при котором картина поругания басмы (стр. 86) получается малоестественной. Принимая во внимание, что новые свои значения «словесной формулы на квадратной печати» и «вислой печати» слово «bajca» получило поздно и при этом, повидимому, только в Крыму и что в слове «басма» Казанского Летописца допустимо усматривать изменение слова «bajca», наиболее, по-моему, приемлемым представляется объяснение «басмы» К. А. Иностранцева и А. А. Спицына, как «верительной дощечки».

Выражение Казанского Летописца «басма *лице его*» или «басма *лица его*» можно было бы сопоставить с выражением крымско-татарских ярлыков: اوز آلتون بايصاميزنى تاختوردوق — öz алтун bajcaмызны тахтурдук «мы приказали привесить нашу *собственную байсу*» или بز محمد كراى خان حضرتلريميز اوزميزنيك آلتون بايصالو مهرمزنى صالدوق — біз Myhammäd-Gіräj хан haзрätläріміз өзімізнің алтун bajcалу мӱhрімізні салдук «мы, наше величество Мухаммед-Гирей хан, *нам самим принадлежащую нашу золотую баисную* печать приложили». Таким образом выражение «басма *лице его*» означало бы: «басма, bajca *от лица его*; *его личная, собственная* басма, bajca; представляющая его личность верительная дощечка».